

Наталья Бочка

Горничная для принца

<https://litres.ru/74220764>

Аннотация

- Кто ты такая? – проговорил человек из темноты. При свете яркой луны, я видела только очертания его мужественной фигуры. - Я горничная из этого замка, - проговорила я испуганно и указала на стену. - Хотел бы я узнать тебя лучше, - мечтательно сказал он. - Я горничная короля и не могу общаться с мужчинами. Это запрещено. - Но ты могла бы иногда приходить сюда и мы бы просто разговаривали, - он обошел, встал сзади меня и почувствовала его горячее дыхание.

Содержание

1	4
2	14
3	22
4	33
5	42
6	61
7	72
8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

1

— Если бы ты знал, друг мой, как я устал. Вечные дороги. Пыль. Я не моюсь днями, неделями. У меня под накидкой такой смрад...

— Увольте, Бернар. У меня смрад не меньший. Надеюсь, в этой таверне нам предложат хорошую травяную баню. Хочется влезть в бочку, окиснуть. Сколько ещё нам бродить по королевству?

— Если бы я знал, то непременно ответил бы, дорогой Ози. Но это загадка для меня, так же, как и для тебя.

Дворы. Таверны. Деревушки. Дороги.

День за днём двое мужчин, старый и молодой, прочёсывают королевство в поисках особой находки.

Эти находки редки, а сейчас даже очень. Но мужчины не останавливаются вот уже несколько лет, с самого того момента, когда совершеннолетие принца поставило всё королевство под большую угрозу.

В таверну вошли двое мужчин, похожих на благородных господ.

И хоть я не сильно разбираюсь во всех этих рангах, судя по одежде, это люди достаточно богатые. А когда я выглянула в

окно и увидела, на какой карете они приехали, догадки мои подтвердились.

На таких каретах разъезжают только важные люди.

Грязное стекло не давало рассмотреть полностью всё великолепие кареты и, тем более, лошадей. Краешком замызганного фартука я попыталась протереть мутное от грязи стекло.

— Сая! Где тебя носит, непутёвая девка! Сколько можно звать!

Я бесшумно выскользнула из-под шторы и сразу встала перед хозяйкой.

Лицо её напоминает лицо маленькой хищной птицы. Круглые, злые глазки, нос немного крючковатый. Тонкие губы сжаты ровной полоской, никогда не улыбающегося человека. Фигура её вполне стройная и миниатюрная. Жанетта могла быть вполне привлекательной женщиной, если бы в ней было хоть немного доброты. И так как лицо её чаще всего искажено строгой гримасой, то привлекательной её назвать трудно.

Жанетта кинула на меня всего один брезгливый взгляд, развернулась и пошла за стойку.

По дороге она выкрикивала:

— Это невыносимо! Я, по-твоему, должна лично обслуживать этих господ? Немедленно неси ужин!

— Уже иду, госпожа, — ответила я и быстро пошла на кухню.

Там управляется маленький, толстый повар Сандро и его поварята.

Сандро постоянно меня цепляет:

— Нагнала тебя хозяйка, нечего мечтать у окна. Давай, пошевелись. Вон, поросёнок стынет.

— Это тебя не касается, — огрызнулась я.

Его я не боюсь, так как хозяйку.

— Не надейся, на такую замухрышку как ты, всё равно никто не глянет, и замуж не позовёт. Если только хозяйкин сынок, он давно за тобой присматривает. Я заметил.

— Не болтай, Сандро, типун тебе на язык. Чтобы я с хозяйкиным сыном дело имела. Он хуже жабы. Лучше жабу поцелую.

— А-ха-ха! Если бы ты его хоть раз нормально поцеловала, он обязательно заставил бы мамку, чтобы женила его на тебе.

Я подхватила поросёнка и уже хотела выйти, когда Сандро добавил:

— Вы оба друг друга стоите, одинаково грязные.

— А я сейчас плюну на поросёнка, и тебя со службы выгонят, — говорю полусерьёзно, полушутя.

— Смотри мне, непутёвая, — он погрозил кулаком, а я показала ему язык и вышла из кухни.

И что они все ко мне цепляются, на себя бы смотрели сначала, на свои мерзкие рожи. Этот Сандро сам похож на того поросёнка, которого каждый день для гостей запекает.

Я возмущённо фыркнула и понесла поросёнка господам.
Подошла к столу, аккуратно поставила.

— Прошу отведать нашего кушанья, — проговорила я вежливо.

Один из господ, тот, что почти старик, с седыми кудрявыми волосами, пробежал быстрым взглядом по моему лицу и спросил:

— Как зовут тебя, милая?

— Саяна, — отвечаю удивлённо.

Никто и никогда не называл меня милой. Я уже много лет служу в этой таверне и слышала только крики хозяйки, да недовольство заезжих господ.

Некоторые всё же бывали вежливы, но никто и никогда милой меня не называл.

И тут такое.

— Саяна, это имя я запомню, — сказал старик, повернулся к другому господину, совсем молодому и немного взъерошенному, и проговорил, — пожалуй, сегодня заночуем в этом месте.

Тот поморщился, тоже глянул в моё лицо, но увидел понятно что — грязные щёки и нос. Я всегда чумазая.

Хозяйка разрешает умыться только утром, всё остальное время мне не до умывания. Потому что работы у меня больше, чем у остальных. Да и есть ещё одна причина, почему не стремлюсь слишком уж намывать своё лицо и часто расчесывать волосы.

Но я не жалуясь, привыкла. Другого дома нет и, как видно, уже не будет. Единственное, чем смогу облегчить себе жизнь, как я уже догадываюсь, это выйти замуж за хозяйского сына.

И хоть мысль эта противна с самого того момента, как я хозяйского сына узнала, но всё-таки это могло означать, что по крайней мере, я не буду выполнять всю черную и грязную работу в таверне, и вообще во всем доме.

Каждый тяжелый день понимаю, совсем скоро не выдержу и соглашусь на его предложение. Просто, чтобы отдохнуть.

Сын хозяйки, ненавистный Марк, сказал однажды – всё равно ты выйдешь за меня замуж. Чувствую, так оно и будет. Я устала от тяжелой работы. Очень устала.

Бежать мне некуда. Страшно представить, что там, за границей двора. Степь бескрайняя и губительная. Выйти за ворота, значит обречь себя на страшную погибель. Смерть от жажды и голода.

Так что выбор у меня небольшой. Работать в таверне всю оставшуюся жизнь. Видно, на роду так и написано.

Богатые господа отобедали, и хозяйка Жанетта повела показывать им комнаты.

Много лет назад Жанетта была молодой и счастливой женой хозяина таверны. Характер ещё не испортился, и она бы-

ла вполне приятной молодой женщиной.

Однажды, в ворота таверны постучали цыгане. Две полуразрушенные кибитки с голодными людьми стояли за воротами и вызвали в сердце молодой женщины только жалость. Но муж Жанетты Дорг не был человеком жалостливым и всё, что он хотел в жизни, это зарабатывать деньги. Больше ничего.

— Убирайтесь, бродяги! – крикнул он, — не то я спущу на вас злых собак!

С кибитки спрыгнула старая, худая цыганка, подошла к воротам очень близко, заглянула во двор и потом презрительно глянула на Дорга.

— Да мы в такую дыру и не пойдём.

— Вот и убирайтесь! – крикнул он грозно и отшатнулся от вонючей старухи.

— Мы-то уйдем, не беспокойся, — тряхнула старая рукой перед носом хозяина таверны, — вот только разживёмся припасами и сразу уйдем.

Хитрая старуха явно что-то задумала.

— Нет тут для вас никаких припасов! — кричит Дорг, — убирайтесь, сказал! Гадкие отродья!

Но старуха не обиделась и криво улыбнулась:

— Нам немного надо, мешок муки и пара уток, и мы уйдём, не доставим беспокойства вашему дому.

— Ты, старая, верно из ума выжила? Где я тебе мешок муки достану? Сами перебиваемся, — жадность Дорга извест-

на во всей округе. Он за краюху хлеба удавится.

— Ну, ну, не кричи, — усмехается старуха. — Я ведь не за так, я обменяться хочу. Всё по-честному.

— На что ты можешь обменяться, старая карга? — вступила Жанетта, а она во всем поддерживала мужа и была такой же жадной, как и он, если не жаднее.

— Или ты хочешь предложить нам свои старые затасканные юбки, так у меня собаки на лучших дерюгах спят. А-ха-ха! — засмеялся своей шутке Дорг.

Старуха прищурилась и ответила спокойно:

— Я предложу вам вот что, — она пошла к кибитке, покопалась там и достала сверток.

Аккуратно взяла и поднесла к Доргу. Окинула грязную холстину и на белый свет показалось маленькое личико младенца.

— Что это? — отшатнулся Догр, — детей воруете, старая, а потом обмен предлагаешь? — ещё более сурово проговорил он.

— Это ребёнок моего троюродного брата. Он умер и приказал отдать девочку хорошим людям. С нами она помрёт. Вот я и предлагаю вам. Вы, я вижу, люди хорошие, — цыганка криво усмехнулась.

Жанетта тем временем жадно вцепилась взглядом в лицо ребёнка.

Цыганка это заметила и откинула сильнее кусок грязной рогожи. И теперь стали видны золотые кудри. Лицо девочки,

как маленькое личико ангела.

Женетта схватила Дорга за руку. Она уже два года замужем, но всё никак не могла подарить мужу ребёнка, да и сама страдала от того, что не на кого изливать любовь. А тут младенец — девочка, да о таком можно только мечтать.

— Я хочу эту девочку, — сказала Жанетта и схватила мужа за руку.

— Ты с ума сошла? — проговорил Дорг, — это чужой ребёнок. Возможно, ворованный. Мало ли что говорит эта старая ведьма, мы не должны соглашаться.

— Умоляю тебя, умоляю, — Жанетта стала хвататься за мужа и он сразу как-то поменялся.

Жена у него одна, и он любил молоденькую, шуструю Жанетту и даже баловал её иногда разными приятными мелочами.

Согласиться, это значит принять в дом ещё одного человека, члена семьи. Получается, эта девочка должна стать ему дочерью. Но он не был к такому готов.

— Ну, что? — старуха задернула полог и отошла, унося ребёнка.

Дорга раздирали сомнения. С одной стороны, происхождение ребёнка — тайна. Мало ли что сказала старуха. Но, с другой, жена потом его заключёт, а что, если у них не будет никогда детей.

А потом старуха сама подсказала решение. Она выкрикнула фразу, которая дала ответ:

— Подрастёт, будет вам служанкой.

Дорг представил, как жена поиграется в мать, ну, а если не получится полюбить девочку, то бесплатная служанка всего лишь за мешок муки и три утки, в доме не помешает.

— Ладно, — тут же согласился хозяин таверны, — даю мешок муки и три утки.

— По рукам! — сказала старуха и вытянула костлявые пальцы.

Дорг потянул ладонь и коснулся этих пальцев, и в этот момент почувствовал то ли укол, то ли жжение где-то в сердце.

Старуха протянула сверток с ребёнком, Дорг взял его бережно. Очень бережно, даже не ожидал от себя. И в тот момент, когда взял, почувствовал, что будет любить и заботиться об этом ребёнке до самой своей смерти.

Цыганам выдали положенное по договору, и кибитки, оглашая окрестности страшным скрипом, уехали, оставив в воздухе лишь дорожную пыль.

И как так случилось, в тот же день Жанетта поняла, что беременна.

Странное стечение обстоятельств и совпадение она отнесла к своему большому желанию иметь ребёнка. Бог услышал её и дал в один и тот же момент сразу двух детей.

Но после того что она узнала, интерес к золотоволосой девочке сразу пропал и жена хозяина таверны стала с нетерпением ждать рождения своего собственного ребёнка.

Малышку она отдала служанке, и той пришлось, кроме всей работы по дому, ещё и возиться с ребёнком.

Через несколько месяцев Жанетта родила сына и посвятила все свои заботы только ему.

Сам же Дорг любил малышку. Чувствовал к ней даже нечто большее, чем к собственному ребёнку, но продолжалось это недолго. Вскоре после рождения сына хозяин таверны слёг в лихорадке и, не приходя в сознание, скончался.

Комнатка, в которой я обитаю, находится на самом высоком, на третьем этаже. Вернее, это почти чердак. Зимой там холодно, летом жарко. Но всякий раз, когда я поднимаюсь туда глубокой ночью, уставшая и вымотанная за день, эта комнатка кажется мне дворцом посреди колючего леса.

Только там я могу спокойно выдохнуть, растянуться на циновке, укрывшись старыми бараными шкурами и прежде чем заснуть, хоть немного помечтать.

Эта комнатка — единственное место в доме, где я могу расслабиться и не бояться.

Но... до неё ещё нужно дойти.

Почти каждый день, у лестницы на третий этаж меня поджидает опасность.

Каждый день, когда дом засыпает и все его обитатели уже видят сны, не спят только двое, я и человек, которому я как кость в горле, не даю спокойно жить.

Сын хозяйки — Марк.

Сегодня всё было так же, как и вчера. Ещё с конца коридора я увидела его ждущую фигуру. Приблизилась.

— Иди спать, Марк. Я очень устала.

Сегодня устала особенно сильно. Но понимаю, прежде чем пройти, ещё предстоит отбиться от требовательных, жадных рук Марка. Они, как щупальца, тянутся ко мне,

хватают, а я пытаюсь стряхнуть их с себя.

— Нет, не уйду. Если только к тебе, на чердак, — похабно усмехается.

— Отстань, я закричу, — пытаюсь оттолкнуть его, но он хватает, сильно сжимает моё плечо, и я вижу его лицо совсем рядом и взгляд, устремлённый прямо на мои губы.

— Саяна, тебе достаточно сказать одно только слово, и ты не будешь тут рабыней.

— Уйди, я уже слышала это и не раз. Но я лучше буду рабыней, чем стану твоей женой.

— Я скажу матери, чтобы давала тебе ещё больше работы.

— О чем ты, я и так без остановки выполняю приказы твоей матери, если будет больше, я просто лягу и умру.

— Ты знаешь выход, Саяна, — он смотрит на мои плечи жадным взглядом голодного зверя.

Нет, я не хочу быть его женой. И поэтому, каждый день, после целого дня работы, вымученная, я поднимаюсь сюда только для того чтобы снова и снова понимать, никогда не стану женой этого человека, даже если откроется небо и все, кто там есть, попросят меня о таком одолжении.

Марк с его бесконечными приставаниями ненавистен мне. Он не уродлив, а, можно даже сказать, что красив. Но его красота никак не трогает меня, а жестокое сердце не притягивает. Его поступки хитрые и гадкие. Если говорить просто, Марк очень плохой человек. И он мне отвратителен.

Всякий раз, когда пытаюсь представить себя за ним заму-

жем, меня передергивает от омерзения. Как бы я себя не уговаривала, как бы ни желала облегчить себе жизнь, замуж за Марка я не пойду. Никогда.

Он снова потянулся, хотел прикоснуться и схватить, но я оттолкнула его руку. Он полез другой, я удирала по ней.

— Пропусти, Марк, я хочу спать, — уставшая, я всё-таки нахожу в себе силы отталкивать его.

— Сначала ты согласишься, а потом спи, сколько хочешь.

Хотела пройти, но он обхватил меня сзади и прижал к себе. Я начала вырываться, бороться, но он крепко держит и надежда высвободиться тает с каждой секундой. Силы покидают, ещё немного, он добьётся того, чего хочет.

И тут я услышала.

— Отпусти её немедленно!

Движения замерли, я обернулась и Марк тоже.

В коридоре, освещенном парой настенных канделябров, стоял человек. В полутьме он казался темной фигурой, укрытой накидкой, но из-под капюшона было видно, как сверкает в его взгляде гневный огонь.

— Да вы кто такой? — нахально произнёс Марк.

— Кто я такой, тебе знать не нужно, но, если не отпустишь девушку, придётся на тебя повлиять.

— Я тут хозяин, — сказал Марк, не отпуская меня, — а это моя служанка, и я могу делать с ней всё, что захочу.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

И он сдал меня ещё сильнее. На лице моем отразилась боль, и человек в темноте это заметил.

Он вытянул руку с растопыренными пальцами, и я увидела свечение, исходящее от его руки, оно проползло по воздуху, точно огненная змея, достигло нас с Марком и в тот момент, когда коснулось нас, Марк отскочил от меня и недовольно вскрикнул.

— Какого черта!

— Идите спать, красавица, надеюсь, завтра у вас будет хорошее утро, — сказал незнакомец, и я испуганно попятилась к лестнице.

Ещё раз посмотрела на этого человека и быстро засемена по ступеням на третий этаж.

Там я услышала, как недовольный Мрак повернулся и тоже начал уходить.

Проговорил недовольно:

— Понаедут, потом порядки свои устанавливают.

И голос его затих внизу.

Я перегнулась через перила лестницы и посмотрела вниз, хотела сказать спасибо незнакомцу.

Но внизу уже никого не было.

Старик Бернар вошел в комнату и остановился посередине.

Ози давно храпел на своей кровати, запрокинув голову назад и открыв рот. Он спал так почти всегда, и Бернару не раз хотелось запихнуть ему в рот муху или паука, и посмеяться над тем, как Ози проснётся, будет смешно бегать по комнате, плевать и сыпать ругательствами.

Но сегодня шутить не хотелось. Какое-то особое чувство не давало мыслям разбегаться в поисках ответов, и было такое стойкое ощущение определённости.

Даже — завершения миссии.

Отчего это происходило, Бернар пока не мог сообразить.

Не догадывался старик и о том, когда, наконец, он останется и просто будет жить в замке, только иногда выезжая поохотиться вместе с королём. Как это бывало раньше.

Важная миссия наложена на Бернара Форуса. Он должен колесить по королевству и выискивать молодых, красивых девушек.

Зачем?

Этот вопрос давно тревожит не только его, но и всех приближенных короля. Ответ на него кроется в замке, но он нечеткий. Неопределённый точно и не отвечающий, по сути, на вопросы. Но надежда на то, что миссия правильная, всё-таки имеется.

Придворные чиновники и сам король свято верят, что решить вставшую перед ними проблему можно только с помощью девушки, которая полюбит наследника или он её полю-

бит... это ещё предстоит понять.

На это важное задание послали самого мудрого из придворных – Бернара Форуса. Он знает заветы, владеет магией и вообще, очень умный и мудрый. Кто как не он сможет определить, какая именно девушка нужна. Кто как не он распознает опасность.

К сожалению, даже мудрый Бернар оказался бессилен в столь важном деле. Вот уже несколько лет он колесит по королевству, пытаясь найти отгадку и, конечно же, девушку.

То ли плохо ищет, то ли просто не везёт, или может задача настолько трудная, но в королевстве так ничего и не поменялось. Даже с бесконечным потоком красивых девушек, привозимых Бернаром и его помощником молодым, пронырливым Ози, королевство всё ещё оставалось в опасности.

— Вставай, дуралей, — старик толкнул в бок парня.

— А... что... куда... уезжаем... сейчас, — тот подскочил и бросился обуваться, но вовремя глянул за окно, — так ночь же.

— А мы ещё не едем, — усмехнулся старик тому, как торчат растрёпанные волосы Ози, вымытые и непослушные.

— Вы, как всегда, нет бы дать человеку поспать, — возмутился парень, — ведь месяц в дороге не отдыхали, как следует, — снова лёг, повернулся на другой бок и вроде даже засопел.

— Слушай, не унимался старик, — а тебе не кажется, что

эта служанка не такая страшненькая, как нам показывают.

— Да вы что, у неё волосы, как пучки соломы, солома и та красивее смотрится, — проговорил помощник, засыпая.

— Волосы вымыть можно, а лицо умыть, но она почему-то этого не делает.

— Замарашка — одно слово.

— Нет, что-то тут не так, старик подошел к окну и глянул в темное стекло.

Понятное дело — он ничего там не увидел.

— Да что вы, Бернар, волнуетесь, страшная она. Спать ложитесь и меня в покое оставьте. Завтра попросим умыться и дело с концом. Только не надейтесь увидеть там неземную красоту. Я в таких делах хорошо разбираюсь. Была бы она красавица, ну, что она, вот такой замарахой бы ходила?

— Вот и я хочу знать.

Бернар пошел к столу, где стоял его ларец с пергаменными и кошельками. Сел, положил ладони на стол. И снова взгляд его остановился.

— Я вам так скажу, дорогой мой, чувствую я что-то.

— Хорошо. Верю. Но не очень. Вы каждый раз что-то чувствуете, а мы, сколько уже по тавернам клопов кормим. Ложитесь лучше спать. Завтра с утра почувствуйте, что хотите. А сейчас я спать хочу.

Бернар вздохнул. Он и сам уже устал. Возраст не тот, уже и тело даёт о себе знать болями то в ногах, то в спине. И ему переезды эти боком выходят. Лежал бы сейчас на теплых

подушках, в отведённых ему лично покоех.

А тут, во как нужно дело делать. Он ведь, прежде всего, верный слуга своего короля. Что король прикажет, то и будет. Но это дело самое важное и оно сильно затянулось. Нет ему конца и края.

— Ладно, утро вечера мудренее, но чувство у меня такое, что скоро наша миссия закончится.

— Угу, — проговорил Ози, засыпая.

Утром я открыла глаза и сразу вскочила. Солнце пробивалось сквозь щели в забитое досками окно чердака.

Это испугало, потому что просыпаюсь я обычно ни свет ни заря. Печь растопить, воды наносить, общипать уток, принесённых со двора. Вообще спозаранку у меня много забот, если пропущу что-то, бури не миновать.

И вот —, проспала.

Вскочила, как ужаленная.

Странно, что меня никто не разбудил. Обычно повар посылает Орландо, маленького поваренка, и он противным голосом зовет меня из-за двери.

Изнутри я запираюсь на крючок, боюсь проникновения Марка. Может, поварёнок приходил и звал, да я так крепко спала, что не слышала.

Чувствую, будет мне несладко сегодня. Хозяйка, конечно же, возьмет розги и, возможно, даже отхлестает, а потом завалит работой. Придётся работать побитой. Спина будет болеть. Главное — не подставлять руки, лучше пусть стегает по спине.

Ох, плохо, как плохо.

Я почти скатилась по лестнице, когда слышала в главном зале таверны сразу несколько голосов. Наверное, приезжие жалуются на плохое обслуживание. Наказания мне уже ни-

как не избежать.

Дрожь началась сразу, как я подошла, и теперь яснее услышала разговор. Несмело и, надеюсь, тихо, я приблизилась к проёму, ещё не совсем уловила, о чём идёт речь, единственное, что поняла – между Жанеттой и незнакомцем идёт торг.

— Вы забываете, что я любила её столько времени, как родную дочь и не могу позволить так дешево оценить, — плаксиво говорила Жанетта.

— Но дочерей и не продают госпожа, не так ли? — отчетливо проговорил мужчина.

— Я хотела сказать как дочь. Прошу вас, милейший, это последнее, что у меня осталось. Я буду очень долго горевать о ней.

— Я даю и так слишком много. Если не хотите, могу поехать куда-то ещё, кругом полно всяких разных девушек, и мы легко можем...

— Подождите, я не сказала, что нет. Накиньте хоть пару монет, милейший, — выпрашивала хозяйка.

Наверное, снова продаёт уток этим богатым господам. Она вечно торгуется до последнего, и всегда чуть не со слезами выпрашивает накинуть хоть пару монет.

Я показалась из-за угла и все обернулись.

Ну, всё, сейчас начнётся. Ещё и при чужих людях. Стыдно-то как.

— Ах, вот и она, наша чудная девочка! — подскочила ко мне Жанетта.

Потянула ближе к господам. Но в глазах её я увидела недовольство. Я неумытая и не расчесанная, наверное, не очень хорошо выгляжу.

— Вот, видите, — проговорил вчерашний старик, тот, что встретился ночью и спас меня от Марка, — она даже не подходит под наши требования. О, нет, пожалуй, я откажусь.

— Господин, умоляю, — кинулась к нему Жанетта, — уверяю вас, это самый лучший товар, какой вы сможете найти. И самый свежий, непорченный, поверьте моему слову, — она загадочно посмотрела на старика.

Мужчина задумался, окинул меня недовольным взглядом.

— Не знаю, не знаю, — он протянул руку и взялся за расшитый золотыми нитками кошель, который держал молодой его спутник.

На что Жанетта снова начала хватать меня и поворачивать к ним всеми боками.

— Присмотритесь, в ней скрыто много талантов. Клянусь, вы не пожалеете. Нужно только немного её причесать. Все-го-то.

— В общем, даю то, что есть и монета сверху, не больше, — сказал старик.

— По рукам, — согласилась хозяйка и толкнула меня вперёд к мужчине, а он бросил ей в руки кошель.

Жанетта схватила его и быстро спрятала под фартуком в потайном кармане.

Мужчина повернулся, чтобы уходить.

— Мы уезжаем... Ох, нет, подождите, как я мог о таком забыть, — он повернулся к другому и тот протянул ему свиток, старик развернул пергамент, — осталось только поставить подпись. Без подписи сделка останется недействительной.

Жанетта быстро подошла, схватила обмакнутое в чернила гусиное перо и поставила на пергаменте свою подпись.

— Вот теперь, все довольны, — мужчина быстро спрятал бумаги, повернулся ко мне и сказал. — Милая, теперь ты — собственность короля.

— Как... какая собственность? — не поняла я, — о чем вы горите?

Не успела я удивиться, что неожиданно стала чьей-то собственностью, как торопливые, громкие шаги нарушили почти идеальную тишину таверны.

В проёме показался Марк.

Он всегда спит почти до обеда, и сегодня даже вышел раньше, чем обычно. Наверное, его потревожили голоса, и он решил узнать, в чём дело.

Марк остановился в проёме. Высокий, стройный. Пугающе и неестественно красивый. С торчащими в разные стороны тёмными волосами, в мятой рубаше и исподних штанах. Он осмотрел всех заспанным, ничего не понимающим взглядом и проговорил:

— Что тут происходит?

С детства обласканный матерью, Марк не знал слова нелзя.

Ему можно было всё. В пределах таверны и постоянного двора, конечно. Но этого было достаточно, чтобы из маленького мальчика сделать ребёнка-деспота.

После смерти мужа Жанетта носилась с сыном, как с драгоценностью, которую непременно необходимо всеми силами довести до совершенства, но все, что получалось, это скверный характер мальчика, потом подростка и в конечном итоге грубый избалованный и жестокий юноша.

Ещё из его плохих черт можно отметить хитрость и абсолютное наплевательство на любовь к нему матери.

Сама не замечая того, Жанетта превратила сына в первого человека, который больше всего её и презирал. Единственное, чего она не сделала, это не поставила его в рамки должного воспитания, а пустила на самотёк все его пороки.

И теперь этот юноша мечтал только лишь об одном — поскорее стать хозяином таверны, чтобы превратить её в гнездо распутства и блуда. И только одно обстоятельство, которое вечно мешало ему в этом — его мать.

Каким-то дальним чутьём Жанетта всё-таки понимала не радужные перспективы этого места, если сын возьмётся управлять таверной. Когда-нибудь это всё равно случится.

Наверняка, представляла себе Жанетта, что тогда будет,

но пока не особо вникала в будущее, руководила таверной и пестовала сыночка, в надежде, что он так же будет пестовать её в старости.

Ещё одно обстоятельство сильно уродовало поведение Марка, это его навязчивая и даже болезненная любовь к Саяне.

С самого детства он приставал к ней и дёргал, всячески унижал, как только может унижить мальчик девочку. Оскорбления, толкания и даже пощёчины терпела Саяна от капризного сынка и мечтала, чтобы поскорее он куда-нибудь делся. Упал в колодезь или подавился рыбной костью. Чтоб его забрали бродячие бандиты или искусили собаки. Хоть что-нибудь, оттолкнуло бы его надолго или навсегда. Потому что он ещё хуже, чем его мать.

Марк портил жизнь Саяны каждый день и постоянно. Как будто единственной целью в его жизни было сжить её со свету. Со стороны могло показаться, что он люто ненавидит эту девушку, но на самом деле это такая любовь. Болезненная, искаженная, мучительная, но навязчивая и постоянная.

С самого детства, он разными способами выплёскивал своё чувство. Засовывал за ворот лягушек, отчего Саяна визжала, и Жанетта хлестала её веником за эти крики.

Будучи подростком, он подставлял подножки, когда Саяна несла подносы с едой посетителям, отчего мать снова наказывала Саяну разными жестокими способами.

Ну, а в юности Марк начал чувствовать нечто другое, отчего без конца подстерегал Саяну за углами, пытался схва-

тить, прижать или даже поцеловать.

Иногда это удавалось, и он касался её губ своими губами и испытывал какое-то потрясающее ощущение, от которого становилось ещё хуже, после и Марк становился злее, требовательнее и изощрённее в слезке за Саяной.

Каждый украденный поцелуй делал Марка ещё более влюблённым, а значит, более требовательным и жестоким. Часто ловила Саяна его безумный взгляд. Взгляд человека страшного, фанатичного, озабоченного одной идеей.

В конце концов, Марк серьёзно решил жениться на Саяне и почти каждый день требовал у матери, чтобы она их поженила. На что Жанетта бесконечно обещала, откладывала и пыталась сына отговорить. Но отговорки не действовали на Марка. Он чувствовал и хотел.

Желание его было на первом месте.

А главным его желанием было заполучить в жены Саяну.

Ещё немного, и он добавил бы мать, и та бы позволила сделать, как он хочет...

И вот, он выходит утром, видит всех этих людей и слышит такие слова, от которых волосы на голове его начали шевелиться. Марк не поверил собственным ушам.

Саяна продана королю!

Да никогда он не позволит, чтобы она ушла из этого дома.

Никогда.

— Дорогой, я всё тебе объясню, пойдём во двор, — Жанетта бросилась к сыну и потянула его обратно.

Но Марк выдернул руку и гневно посмотрел на то, как старик тронул меня за плечо, повернул и подтолкнул к выходу.

— Что, черт возьми, происходит, я вас спрашиваю? Почему вы её трогаете? — закричал он, кинулся, но старик поднял руку, как бы предупреждая, ещё шаг и будет то же, что и вчера.

Это остановило Марка, и он с широко раскрытыми глазами смотрел то на старика, то на меня, то на мать. Непонимание и растерянность, — вот что сейчас читалось на его лице. А для меня это неопишуемая радость. Наконец-то, я избавилась от этого человека навсегда.

Молодой парень, который пришел со стариком, встал между Марком и мной и проговорил громко:

— Эта девушка отныне — собственность короля. Ваша матушка продала эту служанку.

— Что?! — Марк в ужасе обернулся на мать, — Я не позволяю! Нет! Верни им деньги, мама!

Старик вышел вперед.

— Сделка не может иметь обратного действия. Ваша мать получила плату, мы купили эту девушку. Всё честно.

— Но вы завладели ей обманным путём! — закричал Марк.

— Прошу тебя, сынок, — успокаивала мать, пыталась удержать его, но он вырвался и кинулся ко мне.

— Я тоже её хозяин и я её не пускаю!

Старик преградил ему путь и поднял ладонь.

— Не нужно, — проговорил он и это снова подействовало.

— Вы не имеете права! — со скрежетом в зубах прокричал Марк.

— У нас имеется законно составленный документ.

— Покажите, вы мошенники! Я подам жалобу в высочайший суд!

— Мы и есть высочайший суд и сами решаем, кого купить для короля. Или вы сомневаетесь в сделке, совершенной от имени самого короля?

Марк остановился. Он был действительно очень жалок в этот момент. Неумытый, растрёпанный, злой и беспомощный.

В первый раз в жизни он не мог повлиять на мою судьбу.

— Я этого так не оставлю, — сказал он грозно, глядя на старика, а потом повернулся ко мне, и произнёс так, что от страха я сжалась, — слышишь, Саяна, я не оставлю этого так. Я выкуплю тебя, и ты будешь моей женой.

И тут я не выдержала. Осмелела, как никогда.

— Да не хочу я быть твоей женой, не хочу! Отцепись уже, наконец! Я рада, что уйду навсегда из этого дома, потому что тут я была несчастной!

— Подумаешь, а я к ней ещё как к дочери относилась, — фыркнула Жанетта, развернулась и пошла вглубь, — Патриция, выходи, сегодня ты за служанку, — крикнула она.

Но Марк уходить так просто не желал.

Он стоял и смотрел, как я уходила. Нахмутив брови и скрестив на груди руки, смотрел яростным взглядом и было видно, каких чудовищных усилий ему даётся не кинуться и не остановить. Я видела, что ему очень нелегко меня отпустить. И тихо радовалась, что, наконец, избавлюсь от его навязчивого внимания.

Во дворе мы подошли к роскошной карете. Слуга протянул старику красную ткань, разукрашенную узорами. Старик развернул её и предо мной оказалась длинная накидка с капюшоном. Её накинули мне на плечи, завязали у шеи и покрыли голову капюшоном.

— Теперь твоё лицо будет скрыто от людей. Только когда мы приедем на место и ты поселишься в замке короля, его можно будет открыть.

— А для чего это нужно? – спросила я.

— Чтобы больше никто не захотел тебя купить.

— Но меня и так никто не купит.

— Когда мы приедем во владения короля, там много перекупщиков, и все они стремятся завладеть самым лучшим товаром.

— Товаром?

— Да. Девушками, предназначенными для услужения во дворце. Все охотятся за красивыми девушками. В королевстве скоро не останется ни одной красивой.

— Но разве я красивая? – с сомнением глянула я на ста-

рика.

Он усмехнулся и переглянулся со своим спутником.

— А разве ты не знаешь, какая ты?

— Нет.

— Тогда и не надо. Оставайся в этом своём незнании и, возможно, тебе повезёт больше, чем другим.

Что он имел в виду, я так и не поняла. Единственное, что поняла, я так же буду служанкой, только во дворце короля.

Ну, это и неплохо. По крайней мере, мне выдадут чистую одежду и бельё. Не станут же к королю подпускать неопрятную прислугу.

И я успокоилась, запрыгнула в карету, которая оказалась совершенно пустой и спустя несколько минут она сдвинулась с места.

Всё. Я уезжаю из этого ненавистного места навсегда.

Когда карета выворачивала со двора, я выглянула в окно и снова увидела Марка.

Он стоял на крыльце и смотрел вслед с искаженным злобой красивым лицом. Но я впервые за много лет не боялась.

Как хорошо, что я больше никогда его не увижу.

Путь наш оказался утомительным и совсем небыстрым.

Никогда не думала, что в такой красивой карете можно так сильно устать. Хорошо хоть на ночлег останавливались на разных постоянных дворах, подобных тому, из которого меня забрали.

Иногда стояли по несколько дней. В роли постоялицы, новой для меня, я чувствовала себя совсем не так, как раньше. Всю жизнь я прислуживала, теперь же прислуживали мне. Странно, необычно. Но приятно.

Каждый раз, после остановки, когда снова приходилось выдвигаться в путь, карета заполнялась.

Сначала одна девушка в капюшоне появилась рядом со мной, потом вторая, а вскоре вот, нас уже четверо. К десятому дню карета была уже полной, и мы сидели, тесно прижатые друг к другу. В полном молчании и таинственности.

Потому что прежде чем запустить нас снова в карету, чопорный слуга повторял одни и те же слова:

— Не разговаривать, не открывать лица, не касаться руками.

Странно всё это. С чего это мне бы вздумалось кого-то трогать.

А вот поговорить хотелось бы, но нельзя. Один раз я сказала «ой», когда карета подскочила на кочке, и тут же услы-

шала голос слуги:

— Не разговаривать!

Пришлось прикусить язык, мало ли что грозит мне от того, что заговорю, вдруг захотят вернуть меня хозяйке и Марку, а этого я желаю меньше всего. Лучше тогда помолчать.

Привыкла уже к разноцветной накидке с райскими цветами. У каждой из нас она отличается по цвету, но сшиты одинаково. В этой яркой плотной ткани я чувствую защищённость, и мне это нравится.

Мысли о том, что за меня заплатили много денег и недели на меня такую красивую накидку, греют сердце. Надеюсь, меня ждёт хорошая жизнь, в нормальной чистой одежде. Пусть прислужой, но точно не такой, какой я была.

Иногда мысли приходят и грустные. Всякие страшные предположения лезут в голову и пугают. Я стараюсь отделаться от них, не придумывать ничего плохого.

Вся эта тайна интригует, и я надеюсь, что в конце утомительного пути будет что-то хорошее.

К концу второй недели мы ехали два дня без остановок, все вымотались и устали. Это было понятно и без слов, по тем вздохам, которые вырывались из груди каждой из нас. Иногда кому-то из девушек становилось дурно, и она склоняла голову на соседку. Но карета не останавливалась и катила дальше. Нам не разрешали об этом говорить.

А однажды одна девушка начала кричать:

— Остановите, мне плохо, я хочу домой!

Карета остановилась, девушку вывели и больше мы ничего не слышали.

Теперь стало действительно страшно. Ещё полдня мы ехали в тишине и даже боялись вздохать.

За окнами вечерело. Очертания рисунка на ткани накидки — всё, что я могла видеть. Я закрывала глаза и пыталась спать сидя, в надежде, что скоро мы доедем до ночлега. Ещё немного, и я не выдержу и тоже закричу, как та девушка, пугает только неизвестность. Что со мной сделают, если закричу? И я держалась. А потом думала — да какая разница, что сделают, ехать так больше невыносимо.

Последние капли моего терпения иссякали... Ещё немного...

Карета остановилась. Мы слышали гул голосов.

Открылась дверца. Нам приказали выйти. Так как я сидела у стены с краю, то выходить мне пришлось последней.

И надо же было так выходить, видно, усталость нелёгкого пути сказывалась, что прямо на подножке я наступила на край накидки, оступилась, не удержалась и начала падать. Шлёпнулась в дорожную пыль, повернулась и капюшон сполз с моего лица.

И вот, в этот самый момент, когда я упала, и лицо моё открылось, вся толпа ахнула и даже кажется, подалась назад.

Сначала я зажмурилась, в страхе, что сейчас меня схватят

и куда-то утянут за такую провинность. Но никто не трогал меня. Я приоткрыла один глаз, а затем открыла и второй. Несколько раз моргнула с не привычки.

Вокруг толпа народу. Все стоят и смотрят, как я растянута на площадке прямо перед ними. Я смотрю на них, а они смотрят на меня. Гул затих.

Испуганно перевожу взгляд с одного лица на другое, а они все с любопытством смотрят на моё лицо.

Слава богу, за эти дни я отмыла его так тщательно, что даже увидела в зеркале, как румянятся щёки, как появляются две симпатичные ямочки, когда я улыбаюсь. И даже заметила, лицо моё не такое уж и страшное, как казалось.

Люди изумлённо рассматривали меня.

Но это продлилось всего лишь пару мгновений, потому что подбежавший слуга быстрым движением накинул на меня капюшон и, помогая встать, приказал:

— Посторонились! Следуйте за мной!

Мы с девушками сбились в кучу, пытаюсь не терять из вида слугу, пошли за ним. Толпа расступилась, давая нам пройти.

Когда мы шли между этими людьми, я чётко слышала шепот и даже громкие голоса иногда выкрикивали:

— Она в красном! Её волосы, вы видели её волосы? А лицо? Оно прекрасно!

Кто в красном? И чьё лицо прекрасно?

Кажется, я как раз в красном...

Что это означает? Надеюсь, скоро узнаю.

Край капюшона лег так, что образовалась складка, в которую я могла видеть все, что нас окружало.

Мы пошли мимо толпы простолюдинов, одетых не так, как я привыкла видеть в тех краях, откуда меня привезли. Там, откуда я родом, простые люди, большей частью нищие, оборванцы, а, если что-то имеют за душой, то одежда всё равно серых и землистых цветов. И всё вокруг серое и землистое. Здесь же, люди одеты более ярко и не так бедно.

Простые люди — это разноцветная толпа, в одежде, расписанной узорами, сдобренными вышивкой и множеством всяких украшений.

Одно уже это закладывало в душу надежду на лучшую жизнь.

Наша колонна девушек в разноцветных накидках проследовала к воротам. Огромные, как мне показалось, даже гигантские, сложенные из досок невероятного размера. Какое должно быть дерево, чтобы иметь такую длину и толщину.

Мы вошли. И как только вошли, ворота со страшным скрипом начали закрываться. Пять человек, огромных мужиков с одной стороны и пять с другой, толкали толстые деревянные колёса. Сразу, как ворота закрылись, невероятной толщины засов толкнули, и он вошёл в такую же скобу.

Толпа осталась снаружи, а мы оказались внутри двора, рядом со стенами каменного замка.

Позабыв о запрете, я подняла голову и посмотрела на высокие стены, собранные из огромных каменных плит, сросшихся между собой, слепленных когда-то не только руками человека, но и временем. Это наверняка грандиозное сооружение, но мы видим только одну его стену.

Вернее, я вижу, потому что остальные так и стоят с натянутыми на головы капюшонами.

Да, стена замка произвела на меня впечатление.

Ну, по крайней мере, это будет лучше, чем в обшарпанной таверне у Жанетты.

Теперь я принадлежу хозяину этого замка, я так понимаю. И буду работать здесь служанкой. Надеюсь, в мои обязанности не будет входить грязная работа. Тут явно полно слуг и молодых девушек и они не заставят выполнять особо грязную.

Надеюсь, внутри есть не только служанки, но и слуги, молодые парни. Среди них хотелось бы найти кого-то и полюбить... Было бы неплохо. Ведь без любви жить не очень хорошо. Хочется, чтобы кто-то влюбился в меня, ну, и самой влюбиться.

Думаю, обо всём этом и забыла, что капюшон мой соскользнул. Только когда строгий слуга подскочил ко мне и прошипел:

— С ума сошла?

Я вздрогнула и натянула посильнее красную ткань.

Вошли внутрь. Девушками, двигаясь одна за другой, пошли по коридорам замка. Теперь я даже не могла как следует рассмотреть, где и куда идём, так как глубокий капюшон ограничивает обзор.

Надеюсь потом, когда мы поступим на службу, всего этого не будет: ни накидок, ни таинственности. Не сильно хочется всё время ходить с закрытым лицом. А вдруг на этот случай у них есть что-то другое, например, маски.

Мерный топот нескольких десятков ног по светлому мраморному полу.

Я много слышала о таких полах, но никогда не видела. Заезжие в таверне, иногда в разговорах упоминали красоту дворца королевства. Я представляла, порой даже мечтала, попасть сюда. Вот я здесь, но ничего не вижу. Как хочется откинуть капюшон и повертеть головой в разные стороны. Интересно же, но нельзя.

Сколько можно идти?

Коридор, другой, третий.

Мраморный пол под ногами резко сменился сырым камнем, повеяло прохладой, и мы начали спускаться по невзрачным ступеням.

О, нет!

Только не это.

Неужели мои страшные догадки начинают сбываться. Неужели снова быть прислугой на самом низу. Вот теперь я

действительно начинаю волноваться.

Молча следуем за сопровождающим слугой, от которого до нас доносится только голос и повторяющее слова эхо.

Чем дальше, тем ниже, тем прохладнее и сырее. Сильнее зябнут мои ноги, одетые в плохонькие, почти спонтанные туфли из кожи буйвола. Холод проникает под одежду, ско-
ывает движения, будоражит страхом сознание.

Трепет начинаю ощущать не только я.

— Куда нас ведут? — слышалось сзади.

— Разговоры! — прокричал слуга и эхо трижды повторило — воры-воры-воры!

Снова мы угнетенно и молчаливо шли. Подрагивая и представляя уже не таким радужным своё скорое будущее.

А потом слышался скрип.

Отвратительный скрип железа, и по телу поползли противные мурашки.

Неужели нас ведут в темницу?

Как в подтверждение моей догадки, я почувствовала толчок, быстрым движением скинула капюшон и увидела комнату, похожую на темницу.

Рядом со мной ещё несколько девушек тоже без капюшонов. Мы пугливо оборачивались, смотрели друг на друга и на серые стены темницы.

— Что это такое? — проговорила одна.

— Где мы? — испуганно глянула на высокий потолок другая.

— Зачем мы здесь? — в страхе прошептала третья.

Решетка на двери захлопнулась и слуга сказал:

— Теперь вы принадлежите королю. Сначала мы испытаем, нет ли среди вас ведьмы. Все, кто пройдет отбор, будут служить королю. Ведьмы будут уничтожены!

Открыв рты, мы стояли и в ужасе смотрели на выход.

Я в каменной темнице. Рядом со мной пара десятков девушек... и кто-то из них — ведьма.

Низкая дверь с резными, коваными узорами отворилась, слуга безмолвно кивнул, давая понять, что входить можно. Бернар вздохнул, ожидание закончилось.

Каждый раз всё дольше его держат у покоев. Раньше он просто входил по стуку, но теперь только с разрешения и не сразу. В этом чувствуется недовольство короля.

Бернар понимает, ещё немного и сошлют его куда-то на дальние земли и жить ему отшельником, потому что угодить королю за все эти годы, как ни старался, так и не удалось.

Старик вошел в небольшую низкую комнату, тайные покои его величества, и склонился в поклоне. Надолго, в попытке выказать учтивость и показать всю свою старательность.

— Ваше величество...

Кресло, похожее на трон, только в миниатюре повернуто к окну. Видно только край бархатного рукава и ладонь с перстнями на тёмном подлокотнике. Пальцы подергиваются и стучат – плохой знак.

В решетчатое стекло окна видны сгущающиеся над замком тучи.

— Сколько ещё, Бернар? – послышался басистый голос короля.

Старик выпрямился и прошел к окну, спокойно посмот-

рел на сверкнувшую вдалеке молнию.

— Если бы я знал ответ и решение, я бы выполнил его и умер в тот же момент.

— Это бессмысленно... — король поднял на старика полный грусти взгляд, — это бесконечно, Бернар. Я больше не выдерживаю.

Старик поджал губы и вздохнул.

— В королевстве почти не осталось красивых девушек.

Король сложил пальцы, приложил к губам. В этой задумчивой позе часто застают его слуги. Волевой профиль, выдающийся нос, седые волосы и бесконечно грустные, голубые, как небо, глаза.

Двадцать пять лет Король Себастьян Грулл, в народе называемый – справедливый, управляет королевством Гриул. С того момента, когда отец передал правление в его руки, отошёл от дел, и доживал свой век в спокойствии и радости среди любимых слуг, в одной из башен замка.

Много лет король Себастьян не знал других забот, как руководить, издавать указы и незначительными военными походами отбиваться от поползновений вражеских королевств, желающих захватить его земли. Много лет только эти заботы лишь иногда затеняли чело. Но то, что происходит теперь, черной тенью легло на голову короля и не только его.

— А ты не задумывался, возможно, мы делаем что-то не так? Может, ответ совсем не в том, что нам известно.

— Я сверялся с тремя магами, и все они говорят одно и

то же. Не договариваясь, — обернулся от окна старик.

Король вздохнул.

— Ты знаешь, всё то время, пока вы там прохлаждаетесь в поисках, я боюсь.

— Чего?

— Чего? Ты меня спрашиваешь, чего? — резко сказал Себастьян, — да того хотя бы, что в это окно ворвётся пламя и испепелит меня к чертям собачьим. Хотя бы этого боюсь, а потом испепелит и всех остальных.

— Надеюсь, этого не будет. Ведь пока нам удаётся держаться...

— Нет, Бернар, так больше продолжаться не может, ты должен оставаться здесь, мне нужна твоя помощь, а на поиски мы пошлём кого-то ещё.

— Сир, у меня есть смутная надежда, что, возможно...

Король повернулся, с надеждой посмотрел на Бернара и тот осекся, не хотелось снова говорить те же слова, что и в прошлый раз. Снова уверять о надежде, что в этой партии девушек обязательно отыщется та самая.

Сколько раз это говорилось и сколько раз было всё не то.

— Ладно, я не стану утверждать, что в этот раз нам повезёт, слишком часто мы ошибались... я ошибался. Прошу вас, сир, назначить на моё место кого-то другого. Я чувствую, что не справляюсь.

— Кто бы на моё место встал, — грустно проговорил король, — Ты хорошо знаешь Бернар, что ни тебя, ни меня

некому заменить, и мы должны искать, тщательно искать.

— Я буду стараться, сир, — устало вздохнул Бернар.

Он устал. Слишком устал.

— Иди, — махнул рукой король, — и прошу тебя, просто умоляю, спаси нас всех.

Бернар кивнул и вышел.

Вот теперь заговорили все. Причем одновременно.

— Ой, какой ужас!

— Я хочу домой, — заплакал кто-то, — моя мама этого не переживёт.

— Это обычное испытание, — сказала одна, — и не нужно паниковать. Просто поймают ведьму, и мы пойдем дальше. Вы думаете, за нас заплатили целое состояние, чтобы мы тут и умерли? Не думаю. А ещё дорога. Стоило тащить нас в такую даль.

— А может, этот король ест молоденьких девушек? — грустно проговорил кто-то.

— Не говори так, мне страшно, — ещё громче всхлипнула та девушка, что плачет.

Я смотрю то на одну, то на другую и заметила, тут нет ни одной некрасивой девушки. Все красивые или очень симпатичные. Да, умеют эти слуги подбирать девушек для прислуживания королю.

А вдруг у них совсем другие цели и эта красота в действительности нужна для чего-то другого.

Осмотрелась. Голые, каменные стены, пол и потолок. Сколько нас тут продержат, неизвестно. Чего стоять, подошла к стене, присела. Рядом присели ещё двое.

— Как думаешь, долго нас тут будут держать? — спросила девушка с тёмными волосами. Лицо её как будто из другого мира, очень красивое. Тёмно-зелёная накидка так подходит к её зелёным глазам.

— Если бы я знала, — пожала я плечом.

— У нас в деревне, когда ловили ведьму, потом проверяли, действительно ли она ведьма.

— И как? — спросила другая, со светлыми волосами и тоже очень красивая. Накидка её жёлтая.

Темная девушка вздохнула:

— Лучше тебе этого не знать.

— Ну, говори уже, и так страшно, — спросила я, — хоть будем знать, чего нам ждать.

— Её бросали в воду и, если выплыла, то ведьма, а если начала тонуть, то не ведьма.

— Так если утонула, значит человек? — уточнила светлая.

— Ну, да.

— Станные у вас обычаи. Это получается, чтобы им понять, что я не ведьма, мне нужно утонуть?

— Получается так.

— То есть, нас всех перетопят, а та, что всплывёт, её на

костёр. А кто тогда останется? И зачем за нас столько денег заплатили? – подошла ещё одна в голубой накидке.

— Легче было там, где я живу, столкнуть меня в озеро, посмотреть, всплыву или нет, и дело с концом, — подтвердила я, — Нет же, достали огромный кошель и отдали за меня столько денег, что моя хозяйка теперь, как королева заживёт. Зачем всё это, объясни?

— Я не знаю, за меня ведь тоже заплатили. И тоже дорого, — пожала плечами тёмная.

— Вот и получается, мы — товар недешёвый.

— Это и пугает. Понято, что среди нас они ищут кого-то особенного, — сказала та, что стоит.

— Зачем?

— Если бы я знала.

В этой холодной темнице мы долго сидели, разглядывая друг друга в полутьме. Неясный свет падает из пары окон с толстыми решетками. И хоть на улице должен быть яркий день, сюда попадает совсем немного света.

Только через несколько часов нам принесли поесть. Лепёшки и чашка с куриным бульоном. Мы с жадностью ели, потому что все были очень голодными.

Кадушка с водой стояла в углу, и мы могли хотя бы пить, сколько вздумается.

После еды все заметно повеселели. Конечно, это не то, на что мы надеялись, пока сюда ехали. Сидеть в темнице и хлебать куриную похлёбку не предел мечтаний.

Ну, а что мы думали, что нас собрали здесь, чтобы выдать замуж за Светлейшего принца? Конечно, нет и мы все хорошо это понимаем.

Для принцев есть принцессы. А мы никто. Что за блажь такая, что за странные мечты.

Так мы просидели до вечера. Нас ещё раз покормили, и все начали укладываться спать. Прямо на полу. Ничего другого не оставалось.

Когда все девушки улеглись, в темнице воцарилась тишина. Слышно было даже, как где-то вдалеке коридора скребётся мышь.

Или крыса. Надеюсь, она не придёт сюда, чтобы откусить от меня кусочек.

С этими мыслями я заснула.

Резко открыла глаза, мне показалось, что каменный пол дрожит. Тихий гул сопровождает это дрожание. Я приподняла голову и увидела, что не одна проснулась.

— Что это? — услышала в темноте испуганный шепот.

— Не знаю.

Мы все с ужасом смотрим на окна и слушаем странный гул в воздухе, и чувствуем, как трясутся стены темницы.

Брякнули цепи, проскрипел ключ в замке. Два стражни-

ка быстро вошли, схватили одну из девушек и потащили на выход.

— Нет, не надо! — закричала она спросонья, ничего не понимая.

Мы все с ужасом смотрим, а её почти волокут по каменному полу, и она выкручивается от страха и ужаса. Мы прижались друг к другу. Дверь с лязгом закрылась, и снова проскрипел замок.

— Куда её? — проговорил кто-то, но никто не ответил, потому что удаляющиеся крики всё ещё носились между стен, заставляя вздрагивать и жаться друг к другу.

Через некоторое время всё повторилось. Дверь открылась, вошли стражники, схватили девушку, которая оказалась ближе всех, и потянули её на выход. Снова крики и плач, снова мы дрожим от понимания надвигающейся участи.

Когда всё затихло, после третьего раза я попыталась встать. С трудом ступила на затёкшие на жёстком полу ноги и подошла к окну. Всё, что видно сквозь решётку, это стена напротив, такая же серая и унылая, как стена внутри. Ещё видно небольшой кусок двора. Пустынный и пугающий, как и всё в этом месте.

В мыслях полный разброд, подозреваю, не только у меня. Девушки затравлено и понуро переглядываются, никто не хочет заговорить. Все как будто ожидают чего-то страшного и боятся об этом сказать.

Я стою и смотрю в пустоту. Думаю, как дальше повернётся

моя жизнь, кого сделают из меня стены этого замка, послушную рабыню или принесут в жертву каким-то богам. Кого?

Внезапно раздумье моё прервалось. Я увидела темную фигуру, перемещающуюся по двору. Человек в темном плаще.

По всей вероятности, он ходил кругами и только иногда проходил мимо той щели между стенами замка, в которую я его могла увидеть. Вот он прошел круг, затем второй, пошел на третий...

И тут мне почему-то захотелось крикнуть ему:

— Эй, немедленно отпустите нас! Мы свободные люди, вы не имеете права!

В этот момент человек остановился, повернулся к окну и посмотрел. То, что я увидела, заставило отшатнуться от окна и прижаться к стене.

Два огненных глаза пронзали пространство пугающим взглядом. Этот взгляд словно ошутимо коснулся моего лица, прошелся по нему легким ветром. Я испуганно прислушалась. Обернулась на девушек и поняла, что сделала невероятную глупость. Что и у кого я потребовала, непонятно.

Когда выглянула вновь, там уже никого не было.

Но в тот же момент слышались гулкие шаги нескольких пар ног. Загремели цепи, проскрипел замок и в темницу вошли трое стражников. Глянули на меня, стало ясно, так быстро они пришли именно за мной.

— Нет, не надо, я больше не буду, — пролепетала я, когда

они стиснули стальные пальцы на моих руках и потянули на выход.

Девушки сопровождали меня сочувственными взглядами. Какая же я дура. Не могла держать язык за зубами. Пришел мой черёд. Но я не готова.

По каменным коридорам меня тянут, как безвольного человека, от желаний которого уже ничего не зависит.

— Куда вы меня тянете? — испуганно повторяю я, но думаю, им совсем не обязательно отвечать. Стражники волокут меня молча, не реагируют ни на судорожные дергания моего тела, ни на слова.

Несколько холодных коридоров, и мы вошли в просторную серую комнату с такими же каменными стенами, как в темнице. Сначала я выдохнула, что путь наш окончен и что меня больше не волокут, но, когда рассмотрела, куда привели, отшатнулась. Уже никто не держал. Стражники оставили меня стоять на пороге и сразу удалились, словно точно зная, что отсюда я уже никуда не убегу.

Быстро и неумолимо стало понятно, куда меня привели, когда я увидела девушку, одну из тех, что до меня забрали.

Без движения и признаков жизни, она лежит на каменном полу. Мокрые волосы, исподняя рубашка. Лицо её отдавало синим цветом, как будто она уже какое-то время мертва.

А вдруг... она и правда, мертва.

Вот значит, что ждёт меня. И я почувствовала, как кожу на голове стягивает ледяной ужас. Сейчас со мной сделают

то же, что сделали с ней.

Но где тогда остальные? Куда дели ещё двоих?

Бряцанье вернуло меня в реальность. Я глянула в сторону и увидела человека. Он спокойно стоял у большого стола с разными железками, что-то рассматривал, перекладывал с места на место и, казалось, совсем не обращал никакого внимания на меня.

Массивный профиль великана, черная борода, кожаная повязка на голове. Огромное мускулистое тело наполовину оголено. Из одежды только грязные, землистого цвета штаны и огромный кожаный фартук.

Человек, похожий на мясника. И в обязанностях у него что-то посерьезнее, чем рубить мясо свиньи или быка. Я и есть его сегодняшняя жертва. Все мы пройдем сквозь его сильные, не знающие пощады, руки.

Такому великану ничего не стоит стиснуть два пальца на моей шее, сломать кость и всё. Только для этого и предназначены его огромные пальцы. Убивать.

Ясно же — это обыкновенный палач. Его цель — мучить и убивать.

Сзади послышался шорох, я дернулась, отшатнулась, сейчас все мои ощущения на пределе и в ожидании чего-то страшного. Сзади меня стоит человек, маленький, горбатый, со злобным, жадным взглядом.

— Давай это. Я помогу тебе, красавица.

Горбун протянул ко мне худые пальцы и начал стягивать

накидку. А я хватаюсь за ленты, как за спасение. И хоть они никак не смогут помочь, но может, хоть на немного оттянут время моей неминуемой смерти.

— Пожалуйста, — молю с дрожью в голосе, но, скорее всего, это люди, не знающие жалости.

Им всё равно, что будет со мной, с такими, как я. Они выполняют приказ короля.

Горбун дернул красную накидку и толкнул меня к огромному бородачу.

Тот ещё страшнее. Обернулся и окинул меня тёмным взглядом.

— Снимай платье, — прогремел его голос.

— Зачем это? — может, если прикинуться дурочкой, они не станут меня убивать.

— Два раза повторять не буду, порву все, что на тебе есть.

— Я приличная девушка и не могу снимать платье при посторонних мужчинах.

Он протянул руку, схватил меня за ворот.

— Хорошо, я сама, сама, — отскочила, взялась за ворот и начала стягивать грубое, холщовое платье, много лет служившее мне единственной одеждой и на котором столько латанных дыр, что не хватит пальцев на руках и ногах, чтобы сосчитать.

— Пошевеливайся, — проговорил палач, — вас много, а вы один и за сегодня всех вас нужно обработать.

Он имеет в виду — до смерти обработать?

Платье упало и сразу стало похожим на тряпку, а я осталась в исподней рубашке, под которой уже нет ничего. Надеюсь, они не заставят меня снимать и её. Лучше уж умереть, как та девушка, одетой. И не опозоренной.

— Подходи, — сказал палач, я с трепетом шагнула к нему. Вот и пришёл мой последний час.

Перед глазами большой чан с водой, где меня будут топить. Проверять, ведьма я или нет. Конечно же, я захлебнусь, потому что никакая я не ведьма, и когда они это поймут, будет слишком поздно.

Я шагнула к чану, остановилась у кромки. Тяжелая рука легла на шею, заставила нагнуться, надавила, и лицо моё погрузилось в воду.

В этот момент вся моя недолгая и, наверное, абсолютно бесполезная жизнь пронеслась перед глазами.

Ледяной холод опалил лицо плечи и грудь, а тяжелая рука надавила так сильно, что я тут же поняла — спасения ждать неоткуда.

Это и есть конец. Последние мгновения моей жизни.

Не открываю рот, чтобы не глотнуть, не заполнить нутро жидкостью и не перестать дышать. Долго не выдержу. Чувствую, как распирает изнутри, ещё секунда и колючий холод воды заполнит меня.

Я открыла глаза, чтобы перед смертью увидеть хоть что-то, но темнота и муть в чане не дали увидеть ни одного лучика света.

И вдруг... вспышка... меня отпустили.

Обессиленная и перепуганная, я сползла на пол.

Неужели не убьют?

Упала на каменный пол, вцепилась пальцами в массивную ножку чана. Буду держаться за нее, если снова потянут. Вырву у времени смерти, хоть несколько ещё мгновений.

Сквозь пелену и гул в ушах услышала:

— Ты слишком стараешься, Зиган! Такими темпами у нас вообще не останется никого даже в услужение. А их надо много. Очень много. Во всём королевстве красивых девушек уже не сыщешь. В этот раз мы проехали чуть не половину, чтобы набрать хоть что-то. И стараемся мы не для того чтобы ты всё загубил, — сказал кто-то.

Я благодарно вздохнула. Может, хоть меня они оставят в покое.

— Сказали — ведьму искать, я и ищу, — раздался низкий голос палача.

— Ну, ты посмотри, какая из неё ведьма? — говорят явно про меня.

— В прошлый раз тоже не верили в ту рыжую, а сколько дел она наворотила. И ещё на меня свалили, что, мол, я плохо старался. Не слишком усердно топил.

— Я верю тебе, но ведь не топить же всех подряд. Другие

методы есть.

— Другими не так хорошо владею. Вы же от меня требуете тщательности и усердия, я и стараюсь, как могу. А все эти ваши там закаляться, это не ко мне.

— Хорошо, Зиган, но впредь будь осторожным.

Я приоткрыла глаза и увидела, человек, а это был именно Ози, помощник старика Бернара, подошел к девушке, что лежала на полу, как мертвая. Встал на колени перед ней, приложил ухо к её груди, потом положил руку, несколько раз надавил и склонился над её лицом. Посидел так и вдруг кто-то чихнул. Ози встал с колен, а девушка зашевелилась и простонала. Повернулась на бок и начала громко откашливаться, брызгая водой.

Я с ужасом смотрела и понимала, только что этот парень Ози воскресил девушку. Уж не знаю, как он это сделал, но она ожила.

— Скажи спасибо, что я вовремя пришел, а то бы пришлось сообщить старику Бернару, что ещё одной нет, и деньги были потрачены зря. А он этого, ой, как не любит.

— Спасибо, Ози. Так что делать мне с остальными? Если между ними ведьма?

— Топи, но не до смерти.

— Постараюсь, — сказал палач и снова ухватил меня за волосы и за рубашку, и я поняла, что меня сейчас будут топить... но не до смерти.

Только успела подумать, и моя голова погрузилась в чан.

Теперь я не успела вдохнуть воздуха побольше, и тут же начала захлёбываться. И что самое страшное ощутила, как колючая жидкость полилась мне в горло. Я сама лично втягивала её и размахивала руками в попытках ухватиться за что-нибудь, чтобы спастись от этого страшного испытания.

В мозгу пульсирует только одно — топи, но не до смерти. И так бесконечно. Одна и та же фраза проносится в голове каждую секунду, которая кажется нескончаемой вечностью.

Наконец, он потянул за волосы и приподнял мою голову из чана. Потоки воды стекают по телу. Холщовая рубашка вымокла, пропиталась и прилипла к телу.

— Пожалуйста, — произнесла я, захлёбываясь, — не убивайте.

— Признавайся, ты ведьма? — грозно сказал палач.

— Нет, я не ведьма, не ведьма! — кричу.

— Кажется, она тоже не ведьма, — сказал Ози.

— Я должен стараться, если во дворец попадёт ведьма, меня могут прогнать с работы, а мне нужно кормить жену и детей. Где ещё я смогу найти работу палача.

— Да, ты прав, с работой сейчас действительно не очень. С тех пор как король запер ворота на замок, совсем стало туго. А этот приказ — разыскивать по всему королевству красивых девушек. Что за бред вообще такой? Если его сын, наконец, решил жениться, не лучше ли разослать гонцов по всем окрестным королевствам, чтобы найти достойную принцессу? Зачем понадобилось собирать всех этих просто-

людинок.

— Если бы мы это знали, не мучили бы девушек, — проговорил палач. — Мне не трудно, это моя работа — мучить людей, но хотелось бы знать, для чего всё это. Ведь Бернар может и так определить ведьму на глаз, но он почему-то упорно заставляет меня макать их в воду.

— Я тоже не понимаю старика. То машет пальцами направо и налево, то вдруг, у него угасает желание, и он абсолютно ничего не хочет делать. Спасибо хоть в чувство этих приводит, так что они потом ничего не помнят.

Этот разговор казался мне таким утомительным. Ведь я лежу на каменном полу мокрая и продрогшая. Пора бы уже и понять, что я не ведьма.

— Ладно, ещё разок мокну эту и скажи там, на выходе, чтобы вели следующую.

Когда я это услышала, то поскорее заскулила:

— Послушайте, я точно не ведьма, я сирота!

Но безжалостная ладонь легла мне на голову, пальцы схватились за волосы, и я снова подскочила и снова моё лицо в воде.

Неужели это никогда не закончится?

Но в этот раз всё закончилось намного быстрее. Меня быстро умакнули и отпустили со словами:

— Забирайте, эта не ведьма.

Двое стражников мгновенно появились на пороге, подхватили меня под руки и поволокли. Теперь идти сама я почти

не умела. Просто неслась в пространстве, глядя в потолок и ударяясь пятками о каменный пол.

Меня куда-то внесли, положили на пол и оставили. Стражники скрылись, всё затихло. Я попробовала открыть глаза. С трудом разомкнулись веки. Лицо всё ещё мокрое и волосы, прилипшие к щеке.

Я не могла двигаться. Тело моё как будто замерло на холодном полу. Оно прилипло к нему и словно растеклось. Я чувствую лужу. Вода стекает с рубашки. Но встать не могу. Не двигается ничего: ни рука, ни нога. Могу только смотреть.

В этой полутёмной комнате, похожей на небольшую темницу, я вижу только сводчатый потолок. Веки мои подрагивают, лицо начинает подрагивать, а потом всё тело вздрагивает от холода.

И вдруг начинает что-то происходить.

Словно тучи собираются прямо надо мной или облака. Нет, скорее тучи, серые и чернёные, с белыми проблесками и даже лучами. А в середине этого серого неба раскрывается пространство и, мне кажется, там кто-то стоит. Белая дыра в небе, а в ней несколько размытых фигур. Они смотрят на меня и разговаривают между собой. Я четко слышу голоса, но совершенно не могу разобрать слов.

Кажется, они о чем-то спорят.

Пришлось закрыть глаза, потому что я уже не могла держаться, почувствовала, как сознание покидает меня.

И в последних его проблесках я услышала тихий женский

голос: «А если это она?»»

С некоторых пор Бернар стал чувствовать слабость.

Нездоровье и, что ещё хуже, беспомощность.

Архимаг королевства, теряющий магию, это довольно серьёзно. Скандал.

Бернар, конечно, понимал, что нужно признаться королю и позвать на своё место другого, более молодого мага, пока ещё не теряющего магические способности, но сделать это, значит...

Значит, отойти от дел, а этого ему так не хотелось. Быть человеком, приближенным к королю, от этого нелегко отказаться. Признаться, что не справляется с обязанностями в полной мере, на это нужно большую смелость, а Бернар всё никак не решался.

Сейчас стало, тем более, нелегко. На кону стоит всё. Жизнь целого королевства и его жителей зависит от множества вещей и не всегда глобальных, а иногда даже мелочей. Простых, кажущихся незамысловатыми, мелочей.

Раньше Бернар всегда видел сомнительных девушек, по разным признакам определял и не покупал их. Но вот уже несколько раз чутьё подводило и два раза в замок привозили мелкую ведьму.

Хорошо, палач Зиган вовремя распознал одну из них, но вторая оказалась в покоях и вредила разными мелкими спо-

собами. Много было переполоха. Тогда Бернар не признался, что уже не так остр зрением, чтобы определить порченную душу.

Да, теперь не те времена. Старость. Не хочется уходить, не испытываю триумфа. Именно он, старый Бернар заслужил честь спасти королевство Гриул. Просто обязан сделать это, перед тем как уйти на покой. Но с каждым днём надежда тает...

В дверь постучали.

— Входи, — сказал старик и в проёме показался зелёный наряд Порки. — А, это ты. Входи, раз пришел. Как там, дело получается?

Лёгким, осторожным шагом горбун прошел к столу, глянул одним глазом в пергамент, что лежал открытым, и тут же отошел.

Бернар никогда не любил Порки, хоть тот вечно пытается всячески угодить ему. Чувствует в нём Бернар некоторую неискренность. И хоть не было ничего такого, в чём Порки можно было бы упрекнуть, но что-то внутри не позволяет назвать его хорошим человеком.

— Конечно, получается, — улыбнулся Порки вполне доброй улыбкой, но была в ней как-то незримая скользкость.

Возможно, это просто так казалось. Лицо горбуна само по себе не слишком красивое, вот и улыбка кажется нехорошей.

— Сколько загубили? — спросил Бернар, делая вид, что его это не особо тревожит.

— Двое. Одну, Ози пришел, оживил, — ответил горбун с

самой искренней грустью.

— Нужно, чтобы Ози там дежурил, — проговорил Бернар, задумчиво глядя в стол.

— Так не хочет, говорит, не его обязанность. Прикажите — будет дежурить.

— Ну, а ты, чего пришел?

— Да так, ходил в покои, там говорят — скоро замену будут вам подыскивать.

— Откуда вести?

— Слышал краем уха от пары придворных. Говорят, король недоволен.

Бернар вздохнул. Что он может? Старается, но силы уже не те. Хочется ещё продержаться, ох, как хочется, но придётся видно уступить должность Архимага королевства, кому-то более расторопному и понятливому.

А подсиживают двое — Казимир и Сержио. Эти не упустят возможности ткнуть короля носом в неудачи Бернара.

Нужно отходить от дел, ой, как нужно. Но мысль, что спасёт королевство кто-то другой, так и сверлит изнутри, так и выедает. Он уйдет, а те двое останутся и сделают лучше. Если бы знать, что лучше сделают, а ведь могут и погубить окончательно.

— Казимир накануне хвастался, что может ведьму определить и король к этому прислушивается, — тихо проговорил Порки.

Бернар вышел из задумчивости. Глянул на горбуна.

Что-то есть в нём такое... но что?

Встал Бернар с кресла, поправил мантию, взял посох. Стер с верхушки пыль.

— Пойду, посмотрю.

— И то верно, посмотрели бы, — проговорил Порки и пошел за Бернаром на выход.

Только успели дойти до двери, как она распахнулась, и на пороге возник перепуганный слуга.

— Скорее, советник – ведьму обнаружили!

— О, нет, — проговорил Бернар, — снова.

Все ринулись к выходу.

В пыточную к Зигану сбежалось много народу. Человек двадцать слуг и стражников уже глазели на зрелище, представшее и взору Бернара, когда он вошел.

На полу извивалась и корчилась в судорогах девушка. Тёмные волосы разметались по плечам, растрёпанные, мокрые. Одежда прилипла к телу, открывая взглядам удивительно привлекательные округлости тела. Лицо вполне красивое искажено гримасой злости, страдания и даже боли.

Все изумлённо смотрели на её агонии, и никто не смел пошевелиться. В страхе и нежелании попасть под колдовство.

Бернар вышел в центр, остановился возле, но, не подходя близко к девушке, выставил вперёд руку.

Только выставил, беснующаяся сразу стала затихать. Обессилено откинулась и ещё несколько мгновений билась

в мелкой дрожи. А потом затихла и лишилась чувств.

Гнетуща тишина воцарилась в пыточной. Никто не решался произнести хоть слово.

Бернар упёрся взглядом в девуцу и, наконец, проговорил, обращаясь к палачу:

— Как всё было?

Зиган, не менее изумленный, чем все остальные, ответил:

— Только я начал я её топить, как закричит, и биться стала...

— У неё никак падучая, — выглянул из-за руки Бернара горбун Порки.

— Именно, — проговорил Бернар задумчиво — девушка больна, отправьте её домой.

Тут вышел вперёд Ози.

— А я ещё думаю, что это хозяйка так быстро согласилась её продать. Куда же мы её теперь отправим, там её спроводили всерьёз и надолго. Да и деньги плаченные никто не вернёт. У нас же договор необратимый.

— Потребуй, стражников возьми, не предупредили, что больна, — возмутился Бернар.

— Это я что ли, должен делать? — не унимался Ози, тоже возмущённо, — Мы её привезли с дальнего конца королевства, туда месяц добираться...

Действительно, везти девушку обратно бессмысленно. Никто не станет этого делать.

— Ладно, — согласился Бернар, глядя на хорошенькое

лицо лежавшей на полу девушки, — оставляйте. Только сошлите подальше, чтобы её крики не слышали во дворце. Отдайте кому-то в услужение там, за стеной замка.

— Разбазаривать королевские деньги тоже не дело. Может, тут ей применение найдётся, — снова подсказал Порки.

Нужно было принять решение, а Бернар уже давно сомневался, какое решение правильное, а какое — неверное.

Здесь решил согласиться.

— Тогда в дворовые её, — вздохнул, — и предупредите там...

— Как скажете, советник.

И девушку пожалел, и денег из казны, и подсказчики не слишком помогают.

Бернар кивнул и пошел прочь отсюда. Не нравилась ему эта пыточная комната. Но без неё никак. Нет других методов.

Девушки, поднимайтесь! На сегодня много работы! Быстрее, быстрее!

Я открыла глаза. Вокруг все суетились. Светлые фигуры в ночных рубашках снуют мимо, с кувшинами и тазами.

Я откинула одеяло и села на кровати. В первые секунды попыталась вспомнить, как могла я с каменного, холодного пола темницы попасть сразу в чистую постель и быть одеждой в свежую, ночную рубашку, похожую на такую, что и у

остальных.

— Саяна, давай быстрее, чего ты сидишь, пошли умываться.

Та девушка, что лежала на полу и была мертвой, и которую оживили, сейчас вполне себе румяная и свежая.

Я встала с кровати, прошла к тазу, вокруг которого столпились девушки, поливали друг друга из кувшинов и весело умывались.

Комната — это просторная спальня, в которой, судя по количеству кроватей, спало не меньше двадцати девушек.

— Девушки, быстрее! На завтра нужно приготовить гостевые комнаты, а ещё убрать в бальной зале. На следующей неделе съедется много высокопоставленных гостей, — покрикивал кто-то.

На всякий случай я не стала стоять и хлопать ресницами, а тоже умылась под общую суету и снова пошла к той кровати, на которой спала. Только совсем не помню, как я в неё ложилась в первый раз.

Наверное, у меня отшибло память на некоторое время.

Ладно, сейчас не до того, но потом обязательно об этом кого-то расспрошу. Интересно же, как мы сюда попали. А пока, нужно торопиться.

Мы надели платья. У всех они оказались абсолютно одинаковыми. Платье приятного голубого цвета, с широкими складками на юбке, с обтягивающим фигуру лифом. Сверху надели белый передник, почти полностью прикрывающий

юбку.

Впервые в жизни я надевала такое приятное на ощупь платье. И впервые это было что-то настолько чистое, какими не бывали даже салфетки для гостей в таверне Жанетты.

Может, для кого-то из девушек это не было странным и непривычным, но для меня такая одежда в диковинку, и я пыталась разглядеть себя в отражении окна. Так как за окнами было ещё темно, свечи, освещавшие спальню, давали возможность видеть в окне свои отражения.

Мы рассматривали себя и друг друга. Потом расчесывались и стягивали волосы в плотные узлы на затылке. А сверху надевали тонкую белую ленту, которая придерживала их.

— Построились! — снова крикнула главная и только сейчас, когда мы встали, я начала рассматривать эту женщину.

Симпатичная, высокая, в платье, похожем на наши, только оно более насыщенного голубого цвета.

— Девушки, сейчас мы пройдем в покои. Каждая из вас получит обязанности, которые и будет выполнять все последующие дни. Сегодня ваш первый день на службе у короля и каждая из вас получит особый знак, который и будет означать, что бы служите королю. Этот знак будет так же означать ваше пожизненное служение. Отныне, никакого другого предназначения у вас не будет.

— Мы что, до старости будем тут прислуживать? - спросил кто-то.

Главная повернулась и посмотрела на девушку:

— Если вас выбрали, значит вы уже не такие, как все. Вы особенные. Услужение королю — это оказанная вам честь. Несите эту честь с достоинством, столько, сколько потребуется.

— А если я не хочу, — сказала я.

Главная посмотрела на меня.

— Если ты не примешь знак короля, тебя отправят обратно, откуда взяли.

Обратно возвращаться не хотелось, это понятно, и я замолчала. Раз выбора нет, а его и так не было, придётся служить королю.

Какая разница, где служить. А тут, по крайней мере, я одета в чистую одежду, сплю в чистой постели и наверняка работа моя не будет заключаться в слишком трудных обязанностях.

Нас повели завтракать.

Широкая комната с низким потолком, каменными колоннами, длинными столами и лавками, быстро заполнилась разного рода слугами. Под общий гам все уселись за столы.

Тут были мужчины и женщины, парни и девушки. Многие в одинаковой одежде.

Девушки — это мы, в голубых платьях. У женщин постарше, платья такие же, как у нашей старшей. Парни одеты в

одежду цвета песка и тины. А мужчины — в темном.

На столах уже стояло кушанье. Миска, наполненная кашей, пара кусков темного хлеба и чашка с молоком.

Все сели за столы и молча чего-то ждали. Не притрагивались к еде.

Вышел человек, пожилой, невысокого роста, довольно упитанный, встал в конце комнаты, так, чтобы было видно всем. Торжественным басом проговорил:

— Приветствуем новых слуг короля Себастьяна Грулла Справедливого!

— Приветствуем! — сказали все в один голос.

— Я главный управляющий всеми слугами замка. Вы можете обращаться ко мне — мастер Тарно. Прошу пройти ко мне тех, кто сегодня в первый раз приступает к обязанностям.

Все девушки, что прибыли вместе со мной и несколько парней встали со своих мест и пошли к этому человеку. Я тоже не отставала от других. Понятно же, что это касается и меня.

Мы встали в ряд перед мастером Тарно. Он осмотрел нас важно и придирчиво, а потом сказал:

— Сегодня вы вступаете на путь служения королю. Получите знаки отличия и носите их с честью и достоинством. Служить королю и его семье, это самое почетное, что может случиться с жителем королевства. Цените это и не разочаруйте своего короля.

Потом он подходил к каждому и давал что-то типа медальона, который все брали, благодарили, кланялись и вешали себе на грудь.

Мастер Тарно подошел ко мне, протянул медальон, я взяла.

— Спасибо, — сказала я и поклонилась.

— Не разочаруй своего короля, — сказал Тарно, прищурился как-то уж слишком подозрительно.

И почему прищурился именно на меня.

— Вы можете приступать, — главный слуга повернулся и быстро вышел, а все сразу схватились за миски и хлеб.

Мы пошли на свои места.

— Станный он какой-то, — сказала я соседке.

— Это его работа — быть странным, — улыбнулась она снисходительно.

— Я Саяна, — протянула я руку для знакомства.

— А я Лилианна, — мы пожали друг другу руки.

А потом, после завтрака, мы с девушками пошли куда-то.

Остановились в небольшой комнате с разными предметами для уборки. Паулина, так звали старшую горничную, распределила обязанности.

Мне досталось не слишком тяжелое задание — смахивать пыль с канделябров и менять огарки свечей на новые свечи.

Эта работа и стала моей постоянно обязанностью.

Теперь каждый день я выполняла свои несложные обязанности.

Несложные на первый взгляд, но на самом деле довольно утомительные. Так как замок большой и коридоров в нём очень много, то и бродить по ним приходилось почти весь день. Я должна была менять свечи именно в коридорах, в фойе, на лестницах и проходных комнатах.

В покоях королевской семьи и придворных эту обязанность выполняли другие слуги.

Весь день, с полной и довольно тяжелой сумкой со свечами на плече, с кисточкой для пыли я ходила по замку и разным его закоулкам. Путь мой нарисован на пергаменте. Своеобразная карта. Всякий раз, когда терялась, я сверялась с этой картой, чтобы не заблудиться.

Скажу честно,если бы не этот пергамент, сама я вряд ли смогла бы перемещаться по всем этим многочисленным лабиринтам коридоров и лестниц.

Иногда я всё же забредала куда-то и только благодаря внимательности умудрялась возвращаться. Так, день за днём проходила моя служба. Не слишком тяжелая, но и не лёгкая. Немного унылая, но это лучше, чем то, чем занималась я раньше.

Порой я встречалась с другими слугами, но заговаривать

не разрешалось, и мы всегда проходили мимо друг друга. Иногда кивали друг другу или улыбались, или просто проходили мимо, смотря, кто встретится.

Понемногу я начинала привыкать к новой жизни. Пока ещё не забегала в будущее, а наслаждалась тем, что есть. Мне было с чем сравнить, поэтому жаловаться тут не на что.

Брожу с утра до вечера по замку и делаю дело мне порученное. Главное — не заблудиться.

Однажды всё-таки не повезло, и я немного заблудилась.

Случилось это уже вечером, когда пора было возвращаться.

Обычно в это время все собирались в столовой для прислуги, за ужином. Ужин проходил поздно, около десяти, а потом мы расходились по комнатам, чтобы отдохнуть до завтра, отоспаться и утром снова за работу.

И вот — я заблудилась.

Свернула не туда, не вовремя посмотрела на карту. Потом, в тёмном коридоре долго не могла зажечь свечу. Когда зажгла, увидела сбоку небольшую дверь в каменной арке. Вставила свечу в канделябр и на всякий случай решила проверить, что там, за дверью, возможно, более короткий путь.

Я подошла, нажала ладонью на дверь, она сразу поддалась, открылась, и я почувствовала и услышала шелест весеннего вечера и аромат цветущих деревьев.

— Неужели? — сказала самой себе.

Как давно я не была на улице. А тут, видимо, раскинулся

небольшой сад. Я вышла наружу и сразу увидела над собой звёздное небо. Различила в темноте кроны деревьев, остановилась удивлённо, наслаждаясь чистым воздухом и ароматами сада.

Позволила себе несколько смелых шагов в глубину кустов. Не думаю, что кто-то заметит моё отсутствие. Я часто запаздываю к ужину, и никто никогда этому не удивлён. Все понимают, что работа моя раскидана по всему замку, и я вполне могу задержаться. Так что если именно сегодня немного задержусь, этого никто и не заметит.

Я прошла немного вглубь, встала в тени дерева, прислонилась к нему спиной и снова посмотрела на небо. Такое высокое, оно казалось волшебным покрывалом, с рисунком из звёзд.

— Как хорошо, — проговорила я в пустоту.

Но неожиданно услышала:

— Да, вы правы, тут хорошо.

В испуге отскочила от дерева и обернулась.

— Кто здесь?

В ответ услышала:

— Кто ты такая?

Это говорил человек из темноты. Я присмотрелась, при свете тусклой луны, увидела только очертания его муже-

ственной фигуры. Он говорил таким тоном, будто хозяин, и мне сазу захотелось оправдаться. Ведь я зашла сюда не специально, а потому что заблудилась.

— Я горничная из этого замка, — проговорила, испуганно заикаясь, и указала на стену.

Вполне возможно, что это разбойник, а я совсем не знаю, как поступить.

Закричать, бросится наутёк, или дожждаться, пока кто-то ещё придёт сюда. А если ждать придётся долго?

Человек подошел ближе. Он всматривается в моё лицо, но его лица я не вижу, оно скрыто тенью.

— Ты прислуживаешь королю? — недоверчиво спросил он, уже более спокойно.

— Нет... Не лично ему. Я просто смахиваю пыль с канделябров и меняю свечи.

Несколько мгновений в тишине, мы смотрели друг на друга. Он на моё лицо, а я в тёмные очертания.

— Ты красивая, — голос его низкий, бархатистый, завораживающий.

Я смутилась. Что я могла сказать в ответ человеку, лица которого не вижу. Что он тоже красив. А если это не так.

— Хотел бы я узнать тебя получше, — мечтательно сказал он.

— Я горничная короля и не могу общаться с мужчинами. Это запрещено.

— Но ты могла бы иногда приходить сюда и мы бы просто

разговаривали, — он обошел, встал сзади меня, и я почувствовала на своей шее его горячее дыхание.

— Не думаю, что это хорошая идея... — хотела обернуться, но он удержал за плечо, и я не стала.

— А если я тебя очень попрошу? — сказал почти на ухо.

— Но зачем?

— Потому что ты сама этого хочешь. Ведь так?

Станный какой-то, но он заставляет меня хотеть того, чего делать нельзя. Произносит слова, от которых дрожь пробегает по телу.

Завораживает. Заполняет. Воздействует.

— Это нехорошо, — проговорила я так, как будто уже согласилась.

— Нет ничего плохого в том, чтобы идти за своими желаниями, — прошептал он мне на ухо.

И мне страшно захотелось сделать, так, как он хочет. Подчиниться его просьбе и своему желанию.

— Я боюсь, — прошептала я.

— Не бойся. Рядом со мной ты в полной безопасности.

— Я боюсь вас, — произнесла, и дрожь, словно от холода, прошла по телу.

Кто знает, что это за человек. Может, он злоумышленник, который подстерегает молодых девушек... нет, не может он быть злоумышленником.

Да откуда мне знать.

— Мне пора, могут начать искать, — очнулась я, суетливо

и подалась к двери, но человек успел схватить мою ладонь, и я почувствовала холод, исходящий от его пальцев.

Я пугливо отдернула руку, и он сразу отошел к дереву.

— Хорошо, иди, я понимаю, — в его словах была какая-то обречённость, даже вздох, отчего я остановилась.

— Послушайте, я пришла сюда, потому что заблудилась и вряд ли второй раз смогу найти путь к этой двери.

— А ты иди за рисунками, — сказал он.

— Как это?

— Всякий раз, когда ты видишь хвост дракона, в решетке окна или на стене, или на канделябре — это и есть путь к этой двери. Я сам так хожу.

И снова вышел и встал так, что луна осветила весь его стройный силуэт.

Его лицо, какое оно? Непонятно. Есть только силуэт и голос. Вот всё, что я вижу и знаю, но почему-то совсем не хочется уходить.

— Я не обещаю, что смогу прийти сюда снова. Если кто-то узнает, у меня будут большие неприятности, — произнесла неуверенно.

— Мне даже не с кем поговорить...

В его словах столько тоски, что я тут же решила.

— Если смогу, тогда приду, — и я торопливо пошла к стене, коснулась дверцы, открыла её и нырнула в каменный проход.

Быстро я уходила отсюда, волнуясь и краснея, как будто

сделала что-то предосудительное или плохое.

Когда вернулась в комнаты прислуги, все уже готовились ко сну и старшая Паулина прикрикнула:

— Саяна, где ты ходишь так долго? Иди, ужинай и быстро спать.

— Простите, я немного заблудилась, — сказала я, оправдываясь, и покраснела.

— Будь внимательна, иначе мне придётся отправить тебя в прачечную. В одиннадцать все должны быть в своих постелях.

— Да, простите, это больше не повторится, — сказала я и пошла на кухню, чтобы поесть.

Торопливо проглотила остывший ужин. Потом вернулась в спальню, разделась и легла в кровать.

Когда я засыпала, передо мной снова встал образ этого человека. Его силуэт и голос.

Я улыбнулась и почувствовала что-то такое, чего никогда в жизни не чувствовала. Какую-то тайну, которую знаю теперь я и знает он.

Саяна, просыпайся, — сказал кто-то рядом, и я с трудом разлепила веки.

Проснуться, это значит — потерять сон. В этом чудном сне мне привиделось, что человек в саду — это не просто

человек, а принц королевства Гриул. Мне снилось, что один только взгляд на меня заставил его влюбиться без памяти. А я полюбила его только за то...

Не знаю, за что... просто полюбила.

Всю ночь я мечтала о человеке из сада. Торопила время, поскорее бы настало утро, и я бы пошла выполнять свою работу, и вечером немного пораньше, чем вчера, пришла бы в тот сад, и мы бы снова встретились...

Но сон закончился. Начался новый день.

— Вставай скорее, Паулина сегодня очень строгая, — проговорила рядом Лилиана.

Я рассеяно потянулась. Новое чувство сделало меня в эти минуты ленивой и расслабленной, но уже через пару секунд до меня долетел голос Паулины, и я вскочила с кровати.

— Девушки, поторапливайтесь, сегодня много работы!

Всю неделю она повторяет о большом приёме, требует от остальных невозможного, и девушки каждый день после работы просто с ног валятся.

— Опять целый день на карачках ползать, тряпкой махать. Они с этим приёмом подурели все. Ну, приём и приём, что такого. Нет, нужно обязательно весь замок вылизать, — жаловалась Лилиана.

И я понимала, как им всем не повезло.

То ли дело мне, ходи себе спокойно, свечи меняй, да пыль смахивай.

Когда свечи заканчиваются, я нахожу кладовую. Их тут

несколько, кладовых для свечей. Не стану же я возвращаться всякий раз, когда у меня в сумке закончатся свечи. Для того и предназначены эти кладовые, разбросанные вдоль моего пути.

Набираю новых свечей полную сумку и иду дальше.

Сегодня, после завтрака я делала всё быстро, торопливо и мысленно подгоняла время. Когда же наступит вечер? Торопила и волновалась, а вдруг что-то пойдёт не так, не получится или сорвётся.

Очень хотелось снова попасть в тот сад. Волнительно и страшно, но очень хочется.

Почему-то казалось, что тот человек будет ждать меня с самого утра. И я снова торопилась. На карте отметила полоской, где находится дверь, и ближе к вечеру стала двигаться в том направлении. Иду той же дорогой, что и вчера, но, в конце концов, поняла, что зашла снова совсем не туда. Немного покрутилась в лабиринте лестниц, но маленькой двери с круглой аркой опять не обнаружила.

Потом вспомнила, что говорил тот человек – иди за рисунками. Если увидишь хвост дракона...

Я начала искать такой рисунок в резных вензелях дверей и окон, находила и шла в направлении, куда указывал хвост кованого дракона.

Теперь стало легче, но чем дальше я заходила, тем тревожнее внутри, тем медленнее мои шаги.

А когда я вошла в маленький тёмный коридор, свеча в

котором давно прогорела, мне снова стало страшно.

Вот и дверь.

Ждёт ли меня кто-то за этой дверью?

А если ждёт?

Комната архимага наполнена разного рода магическими предметами. Есть вещи, которые давно утратили свою силу, всё ещё лежат на своих полках, пылятся, но вынести их отсюда, означает выказать неуважение к многолетней службе. А есть те, что много столетий служат королевским магам, и не утратили магической силы по сей день.

Посередине комнаты стоит главный и самый древний атрибут — Зеркало Правды. В нем можно увидеть то, что хочется увидеть. Зеркало это досталось Бернару ещё от прошлого архимага. В тот день, когда он, уходя на покой, передавал должность, строго предупреждал, зеркало работает только в искренних и справедливых руках. Руки Бернара оказались именно такими.

— Ну, что там? — дверь кабинета распахнулась, и в комнату ворвалось благоухание цветов и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.